

The book cover features a romantic scene with a man, a woman, and a young girl. The man, with dark hair and a beard, wears a white blazer over a black shirt. The woman, with long blonde hair tied in a ponytail with a white bow, wears a white turtleneck sweater. The young girl, with blonde hair and blue eyes, wears a white dress. They are positioned in front of a fireplace with a warm glow and a large, brightly lit Christmas tree in the background. The overall atmosphere is cozy and festive.

ТАТЬЯНА
Тэя

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

БЫВШИЕ.

Я загадала нану!

Татьяна Тэя

Бывшие. Я загадала папу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72988082

SelfPub; 2025

Аннотация

Он ужинает в Париже, а я разношу подносы в столовой.

Не хочу я быть милой. Тем более с бывшим. Стоит такой весь из себя... богатый и успешный в дорогом костюме. А я – в чёрных брюках, тёмной футболке и фартуке – ношусь по залу, расставляя тарелки и унося пустые бокалы. Он тут гость, а я – рабсила.

А ещё я воспитываю нашу дочь, о которой он ничего не знает.

– Пять лет не виделись, надеюсь, ещё столько же не увидимся, – бросаю на прощанье, но Марат хватает меня за руку и не хочет отпускать.

А потом предлагает сыграть пару перед его семьёй.

– Я заплачу, – говорит он.

А я бы никогда не согласилась на такое, но беда в том, что мне очень нужны деньги.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Бывшие. Я загадала папу

Глава 1

Вот вы как относитесь к корпоративам?

Я так и люблю их, и ненавижу.

Люблю, когда я в качестве гостя, а вот работать – жутко раздражает. Не знаю, чем они отличаются от обычного банкета. Может, гости ведут себя наглее и раскованнее, пьяные мужчины бросают откровенные взгляды, откровеннее обычного, а женщины, сбиваясь в дамской комнате в кучки, обсасывают вдоль и поперёк офисные сплетни.

Я тоже когда-то работала в офисе. Но последнее время, даже последние несколько лет – разношу подносы.

Вот и сейчас бегаю между столов, собираю пустые бокалы, расставляю чистые, скоро отдыхающие к горячему перейдут.

Сладкоголосый ведущий объявляет, что гости могут вернуться к закускам и скоро будут танцы, а я вздрагиваю, потому что меня хватают за локоть.

Меня часто хватают. Так бывает. Кто-то из гостей переберёт лишку и понесла-а-ась.

Обычно я вежливо высвобождаю руку, говорю извините и удаляюсь в подсобку. Как-то пришлось звать Жору, нашего охранника, потому что мужчину, вцепившегося в меня, будто заклинило. Он почему-то называл меня Светочкой и

умолял его выслушать.

А я не Света, я...

– Юля? – выдыхает мне в ухо голос из моего прошлого.

И к прямой спине прижимается твёрдый мужской торс. Удивительно, но отторжения я не чувствую.

А должна бы...

А ещё я застываю, словно сурикат в пустыне. И медленно поворачиваю голову, смотря на...

– Марат... – разворачиваюсь всем корпусом, всё же стараясь отодвинуться как можно дальше от него.

Так будет безопаснее для меня самой.

Только сердечко, как заведённое, бряцает и трепещет в груди.

Вот сколько времени прошло... а реакция не поменялась.

Пять лет... уж скоро шесть. А я по-прежнему от него теку.

Самое лучшее – игнор, но о нём сейчас не может быть и речи!

Тем временем Марат Дивов сыплет на меня вопросами. Выпаливая один за другим.

– Что ты тут делаешь? Ты в каком зале отмечаешь? Ты явно не в новой фирме Покровского работаешь, тогда бы я тебя точно знал. Я ещё не со всеми успел познакомиться, но тебя бы я точно не пропустил, – с каким-то восторгом восклицает Дивов, а потом переводит взгляд на мой поднос и приподнимает брови. – А... ты не отмечаешь...

Да, капитан Очевидность, я не отмечаю. Я работаю!

Но отвечаю я Марату натянутой улыбкой.

Причём короткой.

Поскольку улыбаться для этого говнюка в мои планы не входит.

Восторга явно убавляется.

Да, я официантка. А не руководитель отдела, как когда-то мечтала. Но всему есть причины.

Которые его не касаются.

Нет, касаются, – скрипит недовольно внутренний голос, но я его быстро затыкаю.

– А не видно, что ли? – бросаю с вызовом, перекладывая поднос с правой руки в левую. – Пить меньше надо. Хотя сегодня, наверное, можно. Прости, у меня работа.

– Погоди, – тормозит меня, – шесть лет почти не виделись, а у тебя работа.

Шесть лет!

Упрямый математик всё подсчитал в уме.

Когда я называю его про себя *математик*, я не лукавлю. У Дивова мозг на цифры заточен. Раньше думала, вот он идёт по улице, а у него перед глазами одни математические формулы.

Но потом я поняла, что не только математические формулы у него перед глазами. Когда он целовал меня, как какой-то порочный древнеримский бог. И любил так жарко, и так страстно, что я стонала, не сдерживаясь всю ночь напролёт. Он точно про математику не думал, хотя и учился на

последнем курсе физмата в магистратуре.

Щёки мои от таких мыслей краснеют.

Зачем я вообще об этом вспомнила?

А теперь он схватил меня за локоть и держит, не желая отпускать. Ещё и предложениями раскидывается.

– Давай кофе выпьем.

– Нет, – с каким-то смаком отвечаю. Мне приятно ему отказывать. – Я не пью кофе.

– Чай?

– На работе ничего не пью.

– После.

Он так бесконечно может разные варианты предлагать.

Знаю я, чем чай с Дивовым закончится. Примерно тем же, чем и кофе.

Кроватью!

И страстной ночью.

И хмельной головой наутро. С миллиардом сожалений в ней.

Поэтому не стоит! Причём, как говорить на корню. Да и не могу я! Не могу!

И не хочу, – добавляю следом, но тут уже лукавлю.

Потому что сердце до сих пор трепещет от его близости.

Сглатываю и смотрю на шею Дивова, там бьётся жилка. Тоже возбудился, гад!

– У меня смена за сменой, сейчас бешеное время года, – зачем-то объясняю уже слегка заплетающимся языком. Ма-

рат наклоняется и аромат его парфюма, проникающий в мои ноздри, заставляет заикаться.

Чёрт возьми. Дурацкая ностальгия. Тот самый вкус, как говорится...

Якоря моего прошлого. Общего с Дивовым прошлого.

– Мне, п-правда, н-некогда.

Но Марат продолжает гнуть свою линию.

– А я бы с удовольствием с тобой поболтал, пообщался.

– О чём?

Он поводит плечом.

– О тебе? Обо мне?

Я смотрю ему в глаза, и в этот момент понимаю, что он не просто так прицепился. В его взгляде есть что-то большее – интерес, который не могу игнорировать. А вот это уже никому не надо! Болтать он собрался? На шёлковых белоснежных простынях?

Сразу нет!

– О себе никому не рассказываю, о тебе слушать не интересно, – намерено грублю, чтоб уж точно отстал.

Не хочу я быть милой. Тем более с Дивовым. Стоит такой весь из себя... богатый и успешный. Вон в дорогом костюме, выпил уже, поэтому и раскованный. Хотя Марат по жизни был таким лёгким. Заговорить с незнакомым человеком – запросто, что такое стеснение – вообще не курсе. Баловень судьбы. Богатый испорченный сынок богатых испорченных родителей.

Сейчас заматерел, конечно, возмужал. И обнаглел ещё больше! Небось, несколько романов служебных успел завести. И любовницу на постоянке.

А я стою в чёрных брюках, тёмной футболке и переднике – ношусь по залу, как подстреленная, расставляя тарелки и унося пустые бокалы. Волосы забраны в высокий хвостик, вся в мыле, аки лошадь ломовая. Впрочем, именно ею я себя и ощущаю!

Усталая, нормально не спавшая несколько дней.

Мы на контрасте.

И контраст явно не в мою пользу.

– Я пойду, – пытаюсь мягко высвободить свою руку.

Потому что боюсь, если начну вырываться, рискую заработать вывих!

Чего вцепился, гад?

Глава 2

Красивые зелёные глаза под тёмными бровями начинают смотреть сердито. Марат никогда не любил, если кто-то говорил ему что-то поперёк. Он любую ситуацию выворачивал по своему желанию и в свою пользу. Где прямо, где криво под шумок. Но вот сейчас мои слова его задевают. Он точно не согласен и хочет общаться.

Чего вдруг я ему сдалась?

А я не хочу... не хочу!

Хоть и сердце биться начало сильнее.

– Марат, я на работе, – указываю на очевидный факт. – Отпусти, пожалуйста. У нас не положено с гостями разговаривать.

– Ну перерыв-то ты можешь сделать?

– Не сейчас, – кидаю и только эта фраза позволяет мне вывернуться. – У нас все перерывы по расписанию, а не когда кому захочется.

– А когда твой будет?

– Через полчаса, – ляпаю первое, что приходит на ум.

А сама решаю, что поменяюсь с кем-нибудь. Хотя б с Вале́й. Да пойду обслуживать банкет в соседнем зале, а сюда придёт она. Так, наверняка, я избегу многих проблем.

И больше мы с Дивовым не столкнёмся.

Марат кивает и делает шаг назад. Нехотя так.

А я, почувствовав свободу, пулей вылетаю из зала.

И прячусь в служебной зоне, куда гостям входа нет.

Здесь бедлам полнейший. Официанты уже путают заказы, сверяются со списками, которые предоставлены по номерам столов. Валя с Катей ругаются так, что уши вянут.

– Да отнесла я ему «Цезарь»!

– Нет, ты ему блинчики с сёмгой отнесла. А «Цезарь» стоит вон, – указывает на стойку.

– Нет, тот «Цезарь» для двадцать седьмого стола.

– Я только что за пятым была, он блинчики сожрал и требует свой «Цезарь».

– Так он и «Цезарь» сожрал, просто выпил лишку и забыл.

– Жрал... выпил лишку... – заходит Зинаида, наш супервайзер, – девочки, вы берега не потеряли так в адрес клиентов выражаться? Без чаевых у меня останетесь!

Весь коллектив, как по команде, встаёт на вытяжку. Девочки смущаются.

– Простите, – обе кивают, нервно переглядываясь, – мы не со зла. Просто сегодня тут какой-то аврал.

– Тут каждый день аврал, – обрубает Зинаида, и в этом она права. – А хотите отношения выяснять, выйдете и выясните, но чтоб я такого больше не слышала. Быстро за работу, – хлопает в ладоши три раза, и все отмирают.

Она будто тренер, а мы футбольная команда, которую она каждый вечер настраивает на игру.

Я ловлю расстроенную Валю на выходе.

– Валь, давай поменяемся залами, я...

– Не могу, Юль... – перебивает, – прости... не могу, у меня просто каша в голове.

Валя стонет, прислоняется спиной к стене и, кажется, хочет стечь по ней вниз.

– Валя! Двадцать пятый тебя требует! – кричит кто-то с другого конца комнаты.

– Иду, – выпрямляется Валя и, нацепив дежурную улыбку, убегает.

А я остаюсь с мыслями, с кем бы я ещё могла поменяться. Ребята, с которыми хорошо общаюсь, все сегодня обслуживают зал, в котором празднует корпоратив компания, где работает Дивов.

Кстати, что это за компания?

Сунув руки в широкие карманы передника, иду к информационному стенду, где висит краткое описание, что сегодня в меню, какие программы на вечер и кто у нас из заказчиков в гостях. Я бегло посмотрела перед началом смены и ничего не запомнила.

Согласно списку, Дивов трудится в каком-то «Ру консалте».

Ру – это российский? Консалт – это он о чём-то там консультирует?

О чём? И кого?

Интересно, кто он там? Директор?

Когда мы встречались, – хотя встречались – это, конечно,

громкое слово, – у его отца была фирма по продаже оргтехники: ксероксы, принтеры, какие-то огромные агрегаты для фотомастерских, шредеры и много всего прочего.

А сам Марат серьёзно занимался программированием и мечтал переквалифицировать семейный бизнес в современное Ай-Ти предприятие. Так и говорил: мир не стоит на месте, а отец упрямо пытается игнорировать очевидное. Человек старой формации сложно меняет направление деятельности. Марат считал, что если отец не задумается о развитии фирмы, то она загнётся.

А теперь он в каком-то «Ру консалте»...

Название «Ру консалт» слабо соотносится с чем-то из сферы Ай-Ти. Да и на оргтехнику не очень похоже. Так что он там или приглашённый гость, или потерпел фиаско в своих мечтах.

Как и ты, как и ты, – подсмеивается надо мной внутренний голос.

– Калинина, что застыла? – подталкивает меня возникающая из ниоткуда Зинаида. – У нас не хватает рук, а ты свои в карманы засунула. А ну быстро шуруй в зал, там бокалов скопилось пустых немереное количество. Поменяй и новые разнеси. Скоро горячее подавать. Бегом на раздачу!

– Так бокалы или раздача? – переспрашиваю чуть раздражённо.

Зинаида приподнимает брови. В целом она хорошая и справедливая, но не может начальник на сто процентов нра-

вится. Это ж ненормально?

– А ты как думаешь? – спрашивает с прищуром.

Вот любит она когнитивные способности подчинённых проверять. Редко готовый ответ даёт, заставляет нас самих думать и решения принимать.

– Бокалы, – киваю.

– Молодец, соображаешь, – подкалывает, а мне приходится снова убежать в зал.

И находиться там под пристальным вниманием Марата, который вознамерился прожечь в моей груди дырку. Потому что мне кажется он только на неё и пялится, когда смотрит на меня.

Да, фигура моя изменилась. Я уже не та угловатая девушка. Округлилась, чуть-чуть поправилась. Стала чуть шире в бёдрах и грудь налилась. Из полуголодной девочки-студентки я превратилась в женщину.

И именно он помог мне стать ей окончательно.

Только сам не подозревает, насколько сильно вложил в этот процесс.

Так что я бегаю по залу, стараясь не сбиваться с ритма. Подносы с закусками и напитками сегодня кажутся особенно тяжелыми, но я не могу позволить себе ныть. На этой работе график, который меня устраивает, и потерять её – это вырыть себе яму!

В первую очередь, долговую.

Мне нечем будет оплачивать съёмную квартиру, садик,

еду, да много чего! Я ещё обещала Даринке летом на море съездить.

Летом... о господи, до лета пять месяцев, а я ещё ни одной тысячи не отложила. Постоянно лазаю в заначку, то одни траты, то другие. И все такие непредвиденные.

В прошлом месяце на зубного прилично отстегнула. Одновременно и у меня, и у Даринки зубы заболели, пришлось, скрипя сердцем, платить. Потому что стоматолог – это тот врач, которого на попозже не перенесёшь.

Так что шанс поехать на море – всё призрачнее.

Но я должна сдержать слово!

Даёшь больше смен и больше денег!

И меньше времени...

Гости смеются, обсуждают что-то важное, но в голове у меня только одно – как бы поскорее выполнить свою работу и юркнуть обратно в подсобку, отдышаться, выбежать обратно.

Ещё удивительно, к какому бы столику я не подошла, Марат всегда поблизости.

Ему что, заняться больше нечем? Только меня пасти?

Даже если он стоит в окружении людей, даже если занят разговором, его взгляд ищет только меня. Я стараюсь не смотреть в его сторону, но это невозможно. Дивов – это грёбаный магнит, притягивает и заставляет сердце биться быстрее.

После стольких лет я думала, что смогла его забыть, но,

похоже, это не так. Такие странные эмоции внутри – от ностальгии до тревоги.

– Ну как? Ты свободна? – вырастает рядом. – Полчаса уже прошло.

Я делаю шаг в сторону, он шагает следом, перегораживая путь и требуя ответа.

– Нет, – бросаю коротко и, обогнув его, убегая.

А у самой поджилки трясутся.

Похоже Марат настроен серьёзно!

Господи... только бы не... он же не узнает?

Он не должен узнать!

Это всё усложнит многократно.

Ну почему он в Питер вернулся? Город у нас немаленький. Здесь можно затеряться между центром и спальниками. Так я думала.

Думала и ошибалась.

Шутница судьба нас столкнула лбами, да ещё так не вовремя и не к месту!

Хотелось бы мне появиться перед Маратом в ореоле блистательного успеха. На высоких каблуках, в деловом костюме, с идеальной причёской и маникюром.

Но не в этой жизни.

В этой – я серая масса. Ноунейм. Пыль под ногами богатого мальчика.

О чём я думала, когда им увлеклась?

Наверное, о том, что даже провинциальным простушкам

иногда везёт.

Но нет... этот мир не для нас. Дорогой неприветливый город не для нас. И стремительная, пробегающая мимо жизнь, тоже не для нас.

Пытаюсь прогнать грустные мысли. И не замечать, как женщины смотрят на Дивова. Смеются над его шутками, трогают за локоть, похлопывают по плечу, наклоняются ближе, чтобы соприкоснуться телами. Заискивающе смотрят в рот. Вернее, на губы.

Да... губы у Марата мягкие и чувственные. Целуется он так, что забываешь собственное имя.

Девушки ресницами хлопают, откровенно флиртуя.

И Марат все их заигрывания ловит и отзеркаливает. Не так очевидно, но тоже играет в своего парня. Любезного и лёгкого.

Так что я отворачиваюсь и пытаюсь сосредоточиться на обслуживании гостей: наливаю вино, разношу горячее, улыбаюсь, хотя внутри меня всё переворачивается, как тяжёлая масса в бетономешалке какой-то.

О чём Дивов там собрался разговаривать? Спросит, как у меня дела? Или, что хуже, начнет разговор о том, что было между нами?

Бросаю взгляд на часы... блин. Вот замоталась. Обещала же Даринке подойти.

Сунув поднос подмышку, я снова шныряю за шторку подсобки и бегу к двери, выходящей в коридор.

Можно было выйти через центральный вход, но тогда бы Дивов меня засёк.

Только предосторожности не помогают. Каким-то образом Марат вырастает у меня на пути и... зажимает в углу – между окном и собой.

– Ой-ой, полегче, – отступаю, пока лопатками не упираюсь в стену.

Выставляю руки перед собой, но Марат быстро сминает моё сопротивление.

Руки складываются в локтях, и вот он уже полностью прижат ко мне. От плеч до бёдер.

Пытаюсь сунуть между нами поднос, но он так и остаётся, зажатым где-то в районе живота, в котором сейчас не бабочки порхают, а дикие спирали закручиваются.

Всё из-за Марата!

Я чувствую тепло его тела. Его запах. Энергия этого мужчины просто сбивает с ног. И его так много вокруг меня, что даже дышать сложно, не то, что говорить.

– Юля, ты куда пропала? – строго спрашивает, сжимая мои плечи.

Глава 3

Близость Марата вызывает во мне противоречивые чувства – от страха до невыразимого влечения. Сердце стучит сильнее, а дыхание сбивается. И ещё я не понимаю, что ему от меня нужно?

Об этом и спрашиваю.

– Что тебе нужно от меня? Я на работе. Ты не видишь? И общаться с тобой не хочу.

Стараюсь убрать эмоции из голоса, но это очень сложно. Боюсь, звучу, как истеричка со стажем.

Но Дивов упрямо гнёт свою линию.

– Мы век не виделись, Юля. Кажется, нам точно есть о чём поговорить.

– Я б с тобой ещё век не виделась. После всего, что ты мне наговорил.

– А-а-а... помнишь значит, – кивает. – Я уж думал, будешь делать вид, что у тебя амнезия.

Он вдавливается в меня всем телом, и я давлю недовольный, – ну ладно, не совсем недовольный, – стон.

Мы реально прижаты друг к другу.

– Это перебор, – пытаюсь его оттолкнуть. – Ты лезешь в моё личное пространство. И нет у меня никакой амнезии, я всё прекрасно помню.

– И я помню, и хочу извиниться.

Я застываю.

– Не нужны мне твои извинения. Пусти!

Марат наклоняет голову, а я, словно замороженная смотрю на его губы. Они двигаются, он что-то говорит, но я не слышу.

– Хм? – вырывается у меня. И Марат наклоняется ещё ниже.

И тоже смотрит только на мои губы.

Вот это всегда происходило, когда мы оказывались рядом. Нас тянуло магнитом друг к другу. Весь мир переставал существовать. Я выпадала из реальности. Я совершила ошибку, полностью растворилась в этом парне, позабыв про себя.

И осторожность.

Я бы и сейчас про неё, возможно, позабыла бы, если б рядом не раздалось аккуратное:

– Простите...

Я вздрагиваю, а Марат, обернувшись, приветствует красивую блондинку.

– Анастасия Павловна.

Наверное, кто-то из его коллег.

И, небось, увлечёна им. Может, между ними что-то есть? Почему я начинаю ревновать?

Я наступаю на ногу Марату, со вкусом вдавливаю каблук в его обувь, но он лишь напрягается, не отступает.

– Марат Константинович, – та, приподняв бровь, смотрит на нас.

В этот момент мне всё-таки удаётся выпутаться из объятий Дивова и вдарить ему подносом по плечу.

И убежать, пока он меня снова не поймал.

Пробежав через просторный холл банкетного зала, я оказываюсь в детской зоне. Обычно здесь много ребятишек, но сегодня гуляют в основном взрослые без семей.

Наш аниматор, Катя, сидит рисует карандашами с небольшой группой детей. Кто-то бесится в шариках, кто-то на горке.

И моя красавица съезжает с неё прямо в мои объятия.

– Мамочка, мы что, уже уходим? Только не говори, что уходим! – складывает ручки под подбородком в умоляющем жесте. – Мы с Димкой подружились. Играем в тай-тай-налетай.

– Тут не место для тай-тай-налетай, – ругаю мягко. – Горка крутая, можно шею свернуть.

– Если Димка свернёт, я ему обратно её выверну, – заявляет на полном серьёзе.

– Ой-ой-ой, не надо, солнышко.

Даринка обнимает меня свои тонкими ручками и целует в ладонь и в бок, куда попадает. На ней белое трикотажное платье, и я замечаю новые зацепки. Опять моя радость куда-то залезла. Хорошо, что без дырок обошлось.

– Я через два часа тебя заберу, – чмокаю Даринку в носик.

– Ты не торопись. Завтра же не в садик. Мы можем подольше задержаться?

– Да... – тяну я, и моя дочка убегает. А я бормочу себе под нос. – Если задержимся, я лягу прямо под горкой и засну. До следующей смены. Хотя нет, завтра выходной обещали.

Катя, которая улавливает мои стенания, лишь усмехается.

А я, удостоверившись, что с Дариной всё в порядке, убегаю обратно в подсобку, как раз минут пятнадцать от моего перерыва остаётся, чтобы перекусить.

– Рыбу будешь? Или курицу? – спрашивает парень на раздаче, он новенький, и я не запомнила ещё его имени.

– Курицу.

– А чего? Палтуса не хочешь? Очень вкусный.

– Нет, ну палтуса, конечно, хочу, – посмеиваюсь и, взяв тарелку, иду в небольшую каморку, где у нас столовая.

Я там одна, и могу собраться с мыслями. И силами.

Так... моё дело – не оставаться наедине с Маратом. А то ещё где-нибудь зажмёт. А там, может, я уже и не вывернусь.

Сегодняшний день закончится, и я растворюсь в тумане большого города, чтобы больше никогда с Дивовым не встречаться.

Он живёт свою прекрасную жизнь.

Я свою... не менее прекрасную.

Я люблю всё, что дала мне судьба. И очень благодарна ей, что у меня появилась Даринка.

Когда перерыв заканчивается, я снова выбегаю в зал с подносом.

Праздник идёт к завершению. Это видно по атмосфере

и по уставшим отдыхающим. Кто-то грустно допивает алкоголь за полупустыми столами, у кого-то случился новый прилив сил для танцев.

Ведущий ходил по залу, общается с отдыхающими. А я верчу головой, но Марата не вижу.

Неужели уехал?

А ты что? Любоваться на него собралась?

Признаться, да...

Неизвестно, когда в следующий раз живём увижу.

Даринка больше похожа на меня, но всё равно иногда она что-то сделает – голову наклонит или рукой взмахнёт, или губки сложит, ну вылитый Дивов!

Вот как это возможно?

Они ведь даже ни разу не виделись. Это всё гены!

Вот и сейчас за короткий промежуток времени я всё это подметила в Марате. И снова мне ностальгия в глаз попала!

Когда проношусь мимо выхода из зала, бросаю на него взгляд и вижу какую-то возню в холле. Притормаживаю, присматриваюсь, а потом ноги меня сами туда несут.

В холле я вижу женщину. Она бледная и дышит с трудом. Она не одна, вокруг стоит человек пять-шесть, но никто не знает, что делать. Я мгновенно подлетаю к ней, опускаюсь на одно колено и, беря её руки в свои, начинаю осторожно растирать их.

– Смотрите мне в глаза, – говорю мягко, стараясь вселить в неё уверенность, что всё будет хорошо. – И давайте дышим

глубже. Где-то болит?

Я быстро оцениваю её лицо, глаза, посиневшие губы. Больше паники, чем боли. Либо спазм какой-то, либо паническая атака.

Женщина указывает кулаком на грудь.

– Болит... у ме-меня инфаркт?

– Наверяд ли, – успокаиваю её. – Вы что-то принимаете?

Отрицательно мотает головой.

А я оглядываю присутствующих.

– Вы скорую вызвали?

Все смотрят на меня странными взглядами и мотают головами. Отрицательно.

Мать их!

– Уже звоню! – раздаётся голос Марата, подходящего ко мне.

Я подсакиваю от неожиданности.

Дивов быстро оценивает ситуацию и, присев, спрашивает:

– Нужна помощь?

Глава 4

Помощь?

Не сразу понимаю, о чём Марат.

– Наверное, нужна... – растерянно отвечаю, продолжая растирать женщине ладони, они в моих руках постепенно согреваются. – Попроси аптечку... валидол какой-нибудь или нитроглицерин. Должно что-то быть там.

– Сейчас сделаю, – кивает Дивов и, дозвонившись до скорой, отходит, чтобы поговорить с диспетчером и добыть хоть какие-то лекарства.

– Руки немеют, – в панике бормочет женщина.

Её около пятидесяти, она маленькая и худенькая, выглядит даже младше, но сейчас на её побледневшем лице явно проступают все морщинки.

– Покалывают кисти?

– Да... они... Это инфаркт? – снова переспрашивает.

– Нет, – мотаю головой.

– Откуда вы знаете? – выдавливаю с трудом.

– У моего дедули был инфаркт. Это... по-другому выглядит.

Когда это случилось, мне было четырнадцать, но тот день крепко-накрепко врезался в мою память. Никогда я не забуду состояние деда, и свою собственную панику. Дед тогда оправился, прожил ещё лет шесть, а потом тихо-мирно ушёл

во сне.

Я не берусь ставить диагнозы, я не врач. Но больше похоже на что-то нервное. Невралгия? А... с этим должны профессионалы разбираться. Свои предположения я не озвучиваю, конечно. Но как бы то ни было, мои слова про деда и, что у того всё было по-другому, женщину немного успокаивают.

Вскоре возвращается Марат с блистерами от лекарств. Я выдавливаю большую белую таблетку и пихаю её в рот женщине. Лишним не будет. В конце концов, эффект плацебо тоже никто не отменял. Любое действие лучше бездействия.

Женщина, вроде, дышать стала легче.

А вскоре появляется скорая.

Только когда профессионалы подходят к гостье, я поднимаюсь на ноги, делаю шаг назад и, оглядев холл, понимаю, сколько много человек вышло наблюдать за нашими манипуляциями.

– Молодец, Юля, сориентировалась, – хвалит меня, подошедшая Зинаида.

Не знаю, что сказать, лишь киваю.

– Не трясись так, – с улыбкой успокаивает начальница. – Никто не умер. Вот когда я в своё время по залу с подносами бегала, как-то клиент подавился так, что аж посинел, даже кашлянуть не мог, так парни с кухни его...

– Пожалуйста, давайте без подробностей, – перебиваю Зинаиду и с мольбой смотрю на неё. – Простите. У меня бога-

тое воображение, – добавляю смущённо.

На мои плечи ложатся ладони Марата, и я вздрагиваю, отскакивая от него.

– С-с-спасибо, – благодарю коротко.

Совершенно внезапно маленький белокурый вихрь врзается в мои ноги.

– Мамочка! Что произошло? Почему тут доктор?

Внутри меня всё застывает.

– Где Катя, Дарина? Как ты убежала? – строго спрашиваю, моментально превращаясь в суровую мать.

Я вообще добрая, даже мягкая, но что касается дисциплины у нас есть правила. Никуда не ходить без меня, особенно в незнакомых местах, да и в знакомых тоже. Ресторан всегда полон случайных гостей. Это своеобразный проходной двор. Любой может увести ребёнка, приманив его чем-то увлекательным. А не увести, так схватить и выбежать, затолкать в машину и увезти...

К сожалению, мне не с кем оставить Даринку. Няню я не потяну финансово. Садик работает до семи, а я с пяти на обслуживании, так что забрала дочь сегодня сразу после сна и поехала сюда.

Руководство позволяет нам пользоваться детской комнатой, и я очень за это благодарна.

Однако Дарина нарушила правило: никуда не ходить без меня.

– Мамочка, но тут рядом, – тычет она пальчиком в сторо-

ну, где находится детский уголок.

– Нельзя, Дарина, это значит – нельзя. Придётся тебя наказать! – развожу руками.

– Мамочка... – насупливается она и с детской непосредственностью мне предлагает. – Давай я быстро уйду обратно, и будет так, словно ты меня не видела, а я не выходила.

– Нет, Дарина, это так не работает, – мотаю головой, а сама с трудом сдерживаю усмешку.

– А что? По-моему, отличный план, – раздаётся рядом голос Дивова, про которого я почти забыла.

Я обнимаю дочь, которая льнёт к моему боку и запрокидывает голову, чтобы разглядеть Марата.

А Марат разглядывает её.

Очень пристально. И чуть-чуть хмуро.

– Ты не говорила, что у тебя дочь, Юля.

– Когда, по твоему мнению, я должна была успеть это сделать? Сразу после того, как поздоровалась? Привет, и о кста-ти, у меня дочь... странно звучит.

– Да, странно.

Марат бросает взгляд то на меня, то на Дарину. И я не могу отделаться от мысли, что он прикидывает, высчитывает.

– Прости, Марат, я ещё на работе. Спасибо, что помог, – пресекаю дальнейший диалог. – Можешь продолжить веселиться. Иначе скоро пробьёт полночь, и карета превратиться в тыкву. А мне надо вернуться к гостям.

– Мама, это из «Золушки» бормочет Даринка. Ты любишь

«Золушку»? Я хочу мультик посмотреть. Я могу попросить Катю включить?

– Можешь. Она найдёт.

– А ещё фильм есть такой, смотрела? – Дивов внезапно опускается перед Даринкой на колено.

Теперь одни на одном уровне.

– Неа, – мотает моя дочь головой и сильнее льнёт к моей ноге.

– А хотела бы?

– Неа... – снова мотает отрицательно головой.

Умничка! Моя школа!

– Мне «Моана» больше нравится. Я б его посмотрела. Но сейчас зима, – продолжает Дарина. – Там все поют... красиво. Я тоже люблю петь.

А я застываю.

Нет, не моя школа... К чему эти диалоги? Подробности? Люблю? Не люблю? Дивову это точно не интересно!

– Как интересно, – тут же опровергает мои мысли Марат. – А в чём проблема смотреть «Моану» зимой?

– А там же лето! – со смешком, словно Марат сказала какую-то глупость, выдаёт Дарина.

– Одно другому не мешает.

– Мешает, – опять мотает головой Дарина, следуя какой-то своей логике.

– Мы уходим, – подталкиваю я дочь. – Скажи пока *дяде*.

Глава 5

Я утаскиваю Даринку подальше от Марата и снова сдаю на руки Кате, одаривая её таким красноречивым взглядом, что та теряется.

– Прости, я буквально на секунду отвернулась... – говорит она. – Ты же знаешь, какая она у тебя егоза.

Я то знаю, какая Дарина, ну а если б это был малолетний ребёнок одного из гостей, чем бы Катя прикрывалась? Это я как сотрудник не буду возбухать, образно говоря, а гости – они не такие. И в суд подать могут и претензию накатать.

Так что я советую Кате прикрыть дверь в игровую и поставить на входе стул, чтобы слышать грохот, если кто-то из её подопечных решит незаметно улизнуть.

До конца вечера я Марата больше не вижу. Так что думаю, он уехал. Оно и к лучшему.

Я специально не ищу его взглядом, но напряжение не отпускает.

Хотя чего я так разволновалась? Просто его появление, внезапное появление, слегка выбило меня из колеи.

Когда гости расходятся, мы начинаем убирать зал. К этому времени я привожу Дарину в подсобку. Она сидит в комнате отдыха и ужинает. Коллеги пытаются подкормить её конфетами, но я шикаю на них. Однако Валя, кажется, умудряется сунуть ириску.

Боже... ириски – это прямой путь к стоматологу, а мы только что у него были и отвалили кучу, без преувеличения, кучу денег!

До полуночи ещё полчаса, но ребята, закончившие смену, уже разъезжаются. Собираемся и мы.

Когда выходим с Дариной из банкетного зала, на улице сыплет снег. В свете фонарей медленный снегопад выглядит очень красиво. Но обстановка на дороге, я уверена, не идеальная. К тому же сейчас довольно поздно. Идти отсюда до остановки общественного транспорта минут двадцать. Автобусы ходят до часу, мы, конечно, успеем, но будем долго тащиться сквозь снег к дому. И я решаю шикануть, вызвать такси. Тем более, Даринка почти спит на ходу, прижимая к себе плюшевого зайца, с которым не любит расставаться. Если вырубится в автобусе, потом не растолкаю, а нам ещё и с пересадкой до дома.

Приложение всё ищет и ищет такси с детским креслом. И не находит. Потом сбрасывает заказ, пишет, попробуйте ещё. Я пробую. Цена возрастает. Скриплю сердцем и зубами и нажимаю искать. Но снова ничего нет. Цена поднимается до таких высот, что меня потряхивает, когда я в очередной раз нажимаю кнопку поиска. Но даже за эту цену нет свободных такси по детскому тарифу.

Наконец, на свой страх и риск я вызываю обычное. С этими проблем никогда нет. Только вот приехавший через три минуты белый седан не хочет нас принимать.

– Я не повезу, – качает головой водитель, даже не удосужившийся выйти из машины.

– Но... пожалуйста... нам надо домой.

– У меня нет детского кресла, даже бустера нет. Вызовите другого.

– Не вызывается.

– А я тут причём? Я не вожу детей!

– Уже поздно, пожалуйста, – прошу я, – войдите в наше положение.

– Я то войду, а штраф, если остановят, кто будет платить? Мне такие риски не нужны. Сколько ей?

– Пять...

Мужчина цокает языком

– Мало. Если б семь было, я б ещё взял. Да и девочка у вас не особо рослая. Вызовите другого водителя. Так что простите, ничем не могу помочь.

Он поднимает стекло на пассажирской двери, оставляя меня и сонную Дарину под усилившимся снегопадом.

Он реально уедет?

Да. Он реально уезжает.

А я... чертыхнувшись, думаю, успеем ли мы на последний автобус?

– Мама, дядя уехал? – сонно бормочет Дарина. – Я замёрзла.

– Да, малышка, сейчас что-нибудь придумаем, – прижимаю дочку к себе.

Если б смена была ночной, такси бы заказал работодатель, а так не обязан. Может, позвонить Зинаиде? Я всё-таки человека сегодня спасла... ну как спасла... почти спасла... Не суть, короче. Она же не откажет?

Мы отходим от здания ресторана, между ним и улицей – каменный забор.

Ну что... плетёмся на остановку, значит. А там или автобус, или я снова пробую вызвать такси.

Впервые в жизни жалею, что у меня нет друзей, которым можно позвонить и попросить о помощи. Есть знакомые. Хорошие знакомые, но близких нет. Таких вот, чтоб примчались по первому зову.

Зато есть Марат, который выходит из серебристого внедорожника, припаркованного рядом с выездом.

Я настолько шокирована новой встрече и утомлена непростой работой, что теряюсь, когда он предлагает:

– Вас подвезти?

– Ты, что, караулил нас?

– Да, – в лоб признаётся он. – Ты так долго не выходила, что я подумал, что вас пропустил. Нам надо поговорить.

– Знаешь, я что-то не очень настроена на разговоры.

– Понимаю, – кивает он, – давайте сядем в машину, тут довольно холодно.

– У тебя точно нет детского кресла, – зачем-то сопротивляюсь я.

– Нет, но это ничего страшного.

– А если останоят и штраф? – повторяю слова водителя.

– Заплачу.

– Без кресла опасно, – зачем-то сопротивляюсь.

– Слушай, мы выросли без кресел и ничего. Все живы.

Раньше вообще без ремней безопасности ездили. Они не так уж и давно, ну относительно не так давно, стали обязательными.

Марат видит, что я зачем-то колеблюсь, и обращается уже к Дарине.

– Замёрзла, принцесса?

– Угу, немного.

– Бери маму за руку и пошли греться.

Так что вскоре мы оказываемся на заднем сиденье его машины: в тепле и комфорте. По салону разливается мягкая приятная музыка, под нами приятно скрипит кожаное сиденье. Здесь пахнет богатством и достатком.

И я в очередной раз понимаю, насколько мы разные.

Абсолютно из двух миров.

Параллельных, непересекающихся.

– Извини, – вдруг говорит Марат, – я не хотел тебя беспокоить, Юль. Правда. Возможно, у тебя своя жизнь. У меня своя. Просто... увидел и перешёлкнуло.

Что там у него перешёлкнуло? – бросаю настороженный взгляд на Дивова.

– Я отвезу вас домой, а поговорить можем завтра.

– Зачем?

– Я хотел извиниться за своё поведение.

– Считай, извинения приняты.

– Нет, – мотает он головой. – Так не работает.

Наши взгляды в зеркале заднего вида пересекаются, и его горящий – пронзает меня до самого сердца. Мне становится жарко. И неудобно. И ёрзать хочется на пятой точке.

– Мне кажется, я совершил огромную ошибку, поверив сплетням о тебе. – Его взгляд теперь скользит в сторону задравшей Даринки. – Но Коробов так уверенно говорил.

Я аж подскакиваю от его фразы.

– Коробов? Рома?

Теперь пауза в ответе у Марата.

– Рома? Вы общаетесь, что ли?

– Ну... иногда, – отвечаю тихо.

Глава 6

У меня в голове полная мешанина. Что там Коробов Марату уверенно говорил? Мне даже представить сложно.

Рома всегда был любезным и понимающим. Он даже сейчас таким пытается быть. Строит из себя своего в доску. Вот я думала про друзей, Коробов примчится, если попрошу.

Но я не попрошу.

Потому что то, чем закончилась наша последняя встреча, меня напрягло.

Мы оказались в компании общих знакомых, выпивали, смеялись, шутили. А потом я вдруг оказалась с ним один на один на открытом балконе. И он припёр меня к решётке, практически требуя поцелуя.

И добился своего, потому что другой путь – перегнуться через перилла в попытке отодвинуться от его прилипчивых губ, а я очень не хотела нечаянно слететь вниз. Тем более, перилла в старой девятиэтажке были очень тонкими.

Пришлось уступить и позволить Коробову попутно облапать грудь и сжать бедро.

Вспоминать до сих пор мерзко. Это же насилие! Потому что произошло против моей воли. И уж точно от Ромы я такого не ожидала. Он подбивал ко мне клинья одно время, но к кому он их не подбивал? Рома парень любвеобильный, всегда таким был, девочки предупреждали, что с ним надо

быть осторожнее, но мне казалось, что он не опасен.

Казалось...

Ох, как я тогда брыкалась, но Коробов пёр, будто танк.

Он, конечно, потом извинялся, просил прощения, говорил, что выпил лишку. Даже на колени передо мной бухнулся, прижимая ладони к сердцу. А потом сказал: давай встречаться.

Нет-нет. Ещё раз нет.

Да и пьяным он не был. Прекрасно соображал. Уж я в ресторане на подвыпивших гостей насмотрелась. Могу отличить тот, кто надрался, от того, кто на кураже.

Мои «нет» и «не надо» Рому не остановили. Для меня это тотальный красный флаг.

Об этом происшествии между мной и Коробовым я, конечно, Марату сообщать не собираюсь.

– Ну и в каких ты отношениях с Ромой? – спрашивает Дивов.

– Ни в каких...

– Точно ни в каких?

– А что там за сплетни? – перевожу разговор на действительно интересные вещи.

Дивов вздыхает.

– Ты точно сейчас хочешь об этом поговорить?

– А когда?

Сам же этот разговор завёл!

– Завтра. Тут... дети.

Перевожу взгляд на Даринку. Она уже сопит. Прислонилась к моему плечу, навалилась даже. Я аккуратно перемещаю её к себе на колени, снимаю шапочку, глажу светлые волнистые локоны. Дочка вздыхает, погружаясь в более глубокий сон.

– Может, мы поедем? А то... уснула моя принцесса, – говорю тихо.

Марат хмыкает.

– А сколько твоей принцессе, кстати?

– Сколько надо. Адрес запоминай и вперёд, Дивов, – обрубая его и говорю, куда ехать.

Марат снова хмыкает.

– Адрес я запомнил, вот тут, – указывает на свою голову, – зафиксировал. В век не забуду.

Меня аж оторопь берёт.

Нет уж, забудь. Пожалуйста. Забудь! И не вспоминай потом дорогу к моему дому.

Достаточно тебя было в моей жизни, Марат! Больше не надо!

Машин на дорогах немного, но город не безлюден, хоть и тих. В Питере всегда кто-то куда-то едет. Даже в такой сильный снегопад. Автомобили то ползут, то мчатся, снежинки ударяются в лобовое стекло, чтобы разлететься хаотичным роем. Видимость, не очень, но Марату я доверяю, когда он за рулём. Дивов всегда был отличным водителем.

Мне бы успокоиться, закрыть глаза и самой подремать до

дома, чтобы не вести разговоры с Маратом. Но нет, я настойчиво уточняю. Всё потому, что наше расставание не даёт мне покоя. Он тогда уехал и пропал. И больше мы не виделись. Слышались несколько раз, но разговоры были такими странными. Словно Дивов надирался, чтобы позвонить мне.

– Что тебе Коробов сказал? Про меня? – тихо спрашиваю. Марат, конечно, слышит.

– Некоторые вещи, – говорит он, и моё сердце замирает.

– Какие вещи? – у меня ни малейшей идеи, что он имеет в виду.

Молчание затягивается, и я уже начинаю думать, что он не ответит. Но Марат всё-таки нарушает тишину.

– Рома говорил, что вы с ним... переспали, и что ты забеременела от него, а потом сделала аборт, – произносит Марат, голос его звучит ровно.

А я не могу сдержать удивление и злость. Это просто абсурд! Что? Как? Почему?

– Марат, ты же знаешь, что это неправда! – восклицаю я, пытаюсь объяснить.

– Ну, теперь я вижу, что это неправда. И что никакого аборта ты не делала.

Я вижу, что он через зеркало заднего вида он смотрит на Даринку, голова которой лежит на моих коленях.

Мой рот сам по себе открывается, чтобы сказать, что всё было не так. Но так же и захлопывается.

Про дочь я ничего ему пояснять не собираюсь.

Зато, прищурившись, выплёвываю.

– Я никогда не изменяла тебе с Ромой! Это просто бред! Не знаю, зачем он тебе это сказал. Мы просто общались, и между нами никогда не было ничего!

– Тогда, кто её отец?

А ты ещё не понял? Я резко вскидываю взгляд и... о боже, если б взглядом можно было резать и пронзать, клянусь, я бы уже порубила Дивова на мелкие кусочки и насадила его, будто на шампур.

Если он такой недалёкий, я просвещать его не собираюсь!

Подумать только, поверил Роме!!!

– Тебя это не касается, – холодно кидаю и отворачиваюсь к окну, давая понять, что разговор окончен.

Касается, конечно, но это озвучивать не буду.

Не хочу.

Не достоин.

Обиделась, – подкидывает внутренний голос.

И это тоже!

Марат затыкается, решая меня не провоцировать. Видит же, что с трудом сдерживаюсь. А может, сам о чём-то размышляет.

Вот-вот, Дивов, подумай. Тебе полезно будет!

Весь оставшийся путь до дома я киплю.словно чайник, на котором нажали кнопку и не отпускают. Внутри меня булькают эмоции: от досады до ярости!

– Почему ты поверил Роме? – меня всё-таки прорывает

ПО НОВОЙ.

Глава 7

Внутри меня бушует буря чувств. Злость, обида, печаль и разочарование переплетаются в один узел, который сжимает моё сердце. Не могу поверить, что Марат не пришёл ко мне, предпочёл поверить Роме. Это предательство стало финальной точкой, и я чувствую, как слёзы подступают к глазам, усиливая мою уязвимость.

Нет. Нельзя плакать.

Тогда ведь я себя корила, что сделала что-то не так.

А Дивов просто исчез... Просто, мать его, исчез!

Без объяснения причин!

Неужели это нормально для мужчин: взять и исчезнуть? Мы же встречались, мы же планы строили, мы же... да, в любви не признавались. Не успели.

Но я любила, я так любила, что думала, умру, когда он уехал, а потом разговаривал так холодно и отстранённо, всячески давая понять, чтоб я отлипла.

А потом меня трясло от его спонтанных звонков, когда он больше молчал, чем говорил. А если и говорил, то ерунду какую-то. Иногда я вдохновлялась этой ерундой, верила, что он вернётся, что мы всё исправим, засыпала с надеждами, но они таяли с приходом нового дня.

И старой реальности.

Реальности без Марата.

Реальности, в которой я ждала его ребёнка.

Одна.

Совсем одна!

– А почему ты до сих пор с ним общаешься? – спрашивает, вместо ответа.

– Общаюсь не равно встречаюсь! – отвечаю раздражённо. – Да и знала бы, что он наплёл тебе про меня, точно не стала бы.

– Не только наплёл, но и показал.

Как говорится: мой шок в шоке!

– Что показал?

– Переписки, голосовые. Ты там рыдала в трубку, говорила, что у вас будет ребёнок, и что ты решила сделать аборт.

– Что? – мои глаза готовы выскочить из орбит. – Не было такого! Это не я была!

Прижимаю Даринку к себе, словно живой щит. Малышка крепко спит, и слава богу, мне кажется, грохот моего сердца способен мёртвого поднять. Там громко он бьётся о рёбра!

От гнева.

И паники.

– А кто, если не ты?

– А мне почём знать? Ты уверен, что это я там рыдала? Тогда ты точно идиот.

Марат вздыхает. После недолгого размышления выдаёт.

– Наверное, я действительно идиот. Тогда был уверен, а сейчас... чёрт его знает. Девушки, когда плачут, у них голос

похож... Может, я кого-то за тебя принял. Был очень расстроен и не понял, что это не ты. Честно, мне ту запись и слушать не хотелось. Чувствовал себя преданным.

– Голос похож? А почему со мной не поговорил?

– Не посчитал нужным... ты же меня предала.

– Чудесно...

– Юля...

– Молчи, – перебиваю я. – Пожалуйста, молчи.

Если он ещё что-то скажет, я, господи, зарыдаю тут в голос. Какие-то ужасные чувства скребутся в мою душу. Рвут на части.

Без вины виноватая... вот кто я. Всё так!

Я ощущаю, как непреодолимая пропасть между нами становится ещё огромнее. Эта мысль разрывает меня изнутри.

Сейчас мой тщательно выстроенный и сбалансированный мир рушится. Он, конечно, в какой-то степени уродливый. Но я любила его.

Там было всё просто.

Дивов бросил меня, потому что подлец.

У меня дочь, о которой надо заботиться.

Я бьюсь словно рыба об лёд, стараясь выжить в этом городе.

А теперь всё перевернулось с ног на голову.

Ещё я помню, как он позвонил мне в последний раз... хотя нет... об этом лучше не вспоминать. Потому что Марат похоже об этом разговоре забыл!

Мне нужно время, чтобы разобраться в своих чувствах, но сейчас внутри на разрыв. Я чувствую себя одинокой, как никогда.

К счастью в этот момент мы приезжаем в мой двор.

– Какая парадная? – спрашивает Марат.

– Парадное номер три, – с пафосом указываю на задрипанный подъезд пятиэтажки. – Можете остановить ландо возле кругляшей. Смотрите не наедьте на поребрик.

Марат усмехается моим словесным выпадам.

А я за юмором пытаюсь скрыть свою боль.

– Спит? – смотрит Дивов на Даринку.

– Угу, – встряхиваю дочь слегка, потом глажу по щёчке.

Но Даринка вырубилась, пушкой не поднимешь. – Ох... придётся нести. Подержишь дверь?

– Что? Да я сам отнесу. А дверь подержишь ты.

– Не стоит...

– Вот именно, не стоит надрываться.

Чтоб не продолжать спор, он выходит из машины, а затем, открыв заднюю дверцу, забирает у меня дочку.

– Иди, Юля, открывай.

– У нас нет лифта.

– Не напугала, – улыбается он. – Донесу. Она как пёрышко.

– Ага, сочиняй правдоподобнее, знаю я это пёрышко в шестнадцать килограмм.

Марат осторожно несёт Дарину на руках, каким-то обра-

зом её маленькие ручки обнимают его за шею, а голова уютно пристроилась на плече. Он улыбается, глядя на неё, и кажется, что в этот момент мир вокруг них становится ярче. Вот так только слепой не увидит сходства! Сразу видно, что это отец и дочь.

Они подходят к подъезду, и Марат останавливается под козырьком, чтобы укрыться от холодного ветра.

Я роюсь в своей сумочке, стараясь найти ключи, но... их нет!

– Вот блин... вот блин, – бормочу я в панике.

Прокручиваю в уме все свои шаги за день, и вдруг меня охватывает ужас: я не помню, куда я могла положить ключи. В привычном кармашке сумочки их нет.

И в других, которые я быстро обшариваю, тоже пусто!

Я поднимаю взгляд на Марата, который стоит с Даринкой на руках.

– Подожди, пожалуйста! – прошу, чувствуя, как паника нарастает.

Я снова и снова перерываю свою сумку, но ключей нет.

Мне плевать на снег. Плевать на ветер.

Плевать на усталость.

Только бы найти эти чёртовы ключи!

Помню, как утром закрывала дверь. А потом всё.

Может, я выложила их, и они остались где-то на работе?

Может, сунула в карман?

Я обшариваю карманы куртки, брюк, лезу даже в задние,

хотя там их точно быть не может.

Пусто!

Смотрю на Марата, и в моём сердце разгорается отчаяние. Он выглядит таким спокойным, а я понимаю, что всё-таки забыла ключи на работе.

Или, что ещё хуже, выронила где-то, а где? Сама не знаю...

Внутри меня всё сжимается. Паника становится огромной. Просто с небоскрёб.

Мне хочется сесть в сугроб и зарыдать. Я чувствую, как слёзы подступают к глазам

Если ужасный день мог стать ещё ужаснее, то вот он – этот момент.

– Что-то случилось? – спокойно спрашивает Марат.

И приходится признаться.

– Я... я ключ не могу найти.

Глава 8

Я нервничаю и чувствую себя ужасно неловко перед Маратом. Не знаю, что делать. Надо же, какая я растяпа. Обычно всё двести раз проверю-перепроверю. На месте ли ключи, телефон, банковские карты: всё, что необходимо. Но сегодня весь день наперекосяк! Даже подумать не могла, что забуду ключи!

Потому что я их никогда не забывала! Ни разу в жизни!
Что делать?

Попросить Марата отвезти нас обратно на работу, чтобы найти ключи? Но это значительный крюк, мы сюда долго ехали, на дорогах, мягко говоря, обстановка не очень. Заночевать у соседки? Так время позднее, уже час. Даже за час! Глубоко за час! Нормальные люди спят, да я и беспокоить не стану. И не общаюсь я ни с кем настолько близко, чтобы у них ночевать.

На этом, кажется, варианты исчерпаны.

Нет, ну можно сесть под дверь собственной квартиры и ждать утра. А там уже и транспорт на линию выйдет. Всего-ничего, каких-то пять часов!

И подъезд у нас тёплый.

Только сначала надо в него попасть! Ключей от домофона у меня ведь тоже нет!

Пока судорожно соображаю, что делать, Марат указывает

на очевидные вещи:

– Давай вернёмся в машину. Холодно ведь, снег метёт.

Он так и стоит с Даринкой на руках, которая продолжает спать.

Я киваю, и мы возвращаемся к машине. Я снова сажусь на заднее сиденье, а Марат аккуратно пристраивает Дарину рядом со мной. Её головка на моих коленях. Расстёгиваю куртку дочери, потому что в салоне жарко, и слёзы подступают к глазам.

– Марат, можешь отвезти нас обратно в ресторан? Я оставила ключи там, – пересиливаю себя и прошу, едва сдерживая слёзы досады и гнева на саму себя и ситуацию.

Мне так сложно выдать эту просьбу! Дивов, небось, думает, что я невнимательная идиотка.

Сегодняшний день весь по одному месту пошёл.

Марат задумывается на мгновение, затем предлагает:

– Зачем мотаться туда-сюда на ночь глядя? Переночуйте у меня. Утром спокойно съездим за вашими ключами.

Я забываю, как дышать, от его предложения.

Нет, я почему-то ожидала, что именно это Марат и предложит, но боялась, что он это сделает. Лучше бы отвёз... Не могу я с ним наедине оставаться на его территории.

А что если не наедине, – пискляво вещает противный внутренний голос. – Что если у него кто-то есть там?

Я сижу, наблюдая, как снежинки медленно оседают на стекла машины. Внутри меня борются противоречивые чув-

ства.

Наконец, качая головой, стараясь сохранить уверенность в голосе:

– Нет, спасибо. Неудобно тебя беспокоить. Мы найдём другой способ.

– Какой?

– Какой-нибудь.

– Точнее. Какой? – требует Марат.

Я не знаю. И в голову ничего не приходит. Мои глаза судорожно мечутся от Дарины к Марату и обратно. Затем я вздыхаю.

– Нет, Марат, лучше отвези в ресторан. Я буду искать ключи. Либо высади нас, я такси вызову и... сама разберусь.

Марат смотрит на меня с пониманием:

– Юля, правда, не переживай. Это не проблема. Это всего лишь помощь от старого друга.

Да уж... друг... оказался вдруг...

Особенно в свете того, что он мне про Коробова поведал.

Обида, словно серная кислота, до сих пор разъедает душу.

Я вздыхаю, не готовая сдаваться:

– Но у нас нет никаких вещей. Дарине нужно переодеться. Мне нужно переодеться. И... и я не хочу тебя стеснять.

Марат улыбается:

– У меня найдётся всё необходимое. А Дарина может спать в моей футболке. Ей будет удобно. И ты возьми другую. У меня футболок завались, я с вами с удовольствием

поделюсь.

У Марата как всегда всё просто. Неужели он не понимает, что я не могу!?

Я продолжаю искать причины:

— А утром тебе на работу. Я не хочу, чтобы ты из-за нас опаздывал.

Он пожимает плечами:

— У меня гибкий график. Я сам себе хозяин. И потом, безопасность важнее. Снегопад усиливается, ехать сейчас опасно. А на часы ты смотрела? Туда-сюда, а там и утро настало. Ребёнку спать в кровати надо. И тебе тоже. А не в машине трястись.

Я колеблюсь, чувствуя его заботу, но всё же решаюсь высказать всё, что на душе:

— Марат, да не могу я... Из-за прошлого. Ты не друг мне. Понимаешь? У тебя своя жизнь. У меня своя. Мы давно никто друг другу!

И тот факт, что у нас общая дочь, ничего не меняет.

Марат вздыхает, смотрит на меня серьёзно:

— Так я и не спорю, Юля. Конечно, у меня есть своя жизнь.

Вот и отлично.

— Это всего на одну ночь, переночуете, завтра домой отвезу. То есть сначала в ресторан, ключи поищешь, потом домой.

Он говорит прямо и просто, без улыбок, без намёков. Наверное, именно поэтому я сдаюсь. А ещё понимаю, что Ма-

рат тысячу раз прав. Ну нет смысла метаться между работой и домом.

К тому же там, наверняка, закрыто, – возникает мысль в голове. – А ночная охрана может и не пустить.

Или я ключи не найду. Так тоже может случиться.

– Хорошо, – соглашаюсь я, – но только на одну ночь.

Марат облегчённо кивает и трогается с места.

Я просыпаюсь от громкого разговора, не рядом с собой, а где-то за стеной. Будто кто-то ругается.

Яркий свет дезориентирует. Поворачиваю голову и вижу большое окно чуть ли не до самого пола, через которое видно, как сыплет снег.

Несколько секунд не могу понять, где нахожусь, но потом вспоминаю – мы у Марата. И голос его.

Дивов!

События вчерашнего дня накатывают, будто снежный ком.

Господи... ну я и попала...

– Попробуй! – долетает до меня его резкий ответ.

Других голосов не слышу, поэтому могу предположить, что он разговаривает по телефону. И разговор определённо сложный, раз происходит на повышенных тонах.

Смотрю на Дарину, она всё ещё мирно спит. Утомилась, моя малышка. Аккуратно, стараясь её не разбудить, встаю и осматриваюсь. На мне футболка Дивова. А через подлокот-

ник кресла перекинуты мои брюки. Я их быстро надеваю, попутно рассматривая комнату. Вчера была слишком утомлена, чтобы оценить.

Обстановка вокруг кажется уютной: на стене висит картина, какая-то абстракция, есть телевизор и книжные полки, заполненные деловым и профессиональным чтивом.

Обычная холостяцкая берлога. Небольшая, но уютная.

Когда выхожу в гостиную, сразу натываюсь на раздражённого Марата. Он ходит взад-вперёд с телефоном в руке. Замечает меня, извиняется взглядом и жестом показывает, что скоро закончит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.